

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

Владислав КЛЕВАКИН

ЕРМАК
ТОБОЛ-РЕКА

Москва

Тура-река



— Ефимка, поди сюда. Подбрось веток в огонь, сынок. — Старый казак перевернулся с боку на бок, сильнее натягивая на себя овчину. — Ох и холодные тут ветра за Урал-камнем, — пробурчал он.

Ветер и впрямь был холодный и быстрый, он, словно по таинственному и темному речному коридору, устремлялся вдоль стены леса, опоясывающего берега реки. Ефимка, худощавый мальчишка в рваном тулупе, случайно приставший к казакам, подбежал к костру и закинул в него несколько рубленых сучьев. Костер запылал ярче, освещая приткнувшиеся к извилистому берегу Туры казачьи струги. Большие и неповоротливые суда были сильно нагружены различным скарбом, отчего их борта чуть ли не касались воды.

— Дядя Митяй... — Ефимка осторожно потрепал за овечью шкуру, которой укрылся старый казак. — А, дядька Митяй...

— Ну чего тебе, бесененок? — Из-за куска овчины высунулась бородатая голова.

— Тут давеча за лесом лошади ржали... — Мальчонка указал на гору за рекой, покрытую вечнозеленым лесом.



— Ну, то вогулы али еще какие инородцы, — широко зевая, ответил казак. — Сбегай, коли не спится, до дальнего дозора, скажи: пушай не зевают.

Ефимка кивнул головой и исчез в темноте.

— Однако странно, да? — пробурчал казак, ворочаясь под овчиной. — Лошади ржали, а от дозора гонца не было. Поди, случилось чего, пожаловали нехристи, а мы тут спим-почаваем, прости, Господи. А как поди нагрянут вогульцы или кучумцы, враз здесь всех во сне и порешат.

Он откинул овчину и протер глаза. Над Турой стелился белый туман. Знать, холода скоро придут. Тура встанет льдом, и придется становиться на зимовье, как на Тагил-реке, что сейчас не входило в планы казачьей экспедиции.

Зима за Урал-камнем приходит рано. Уже чуть успел облететь желтый осенний лист, так начинают пролетать первые снежинки, предвестники скорого ледостава. И на многие версты вокруг лишь поникшая в ожидании лютой стужи вечнозеленая тайга да пробирающий до костей вой голодных волчих стай.

Дядька Митяй толкнул ногой казака, спящего неподалеку и издававшего такой махровый храп, словно враз выстрелил с десятков пицалей.

— Серго, вставай, черт усатый.

Казак под овчиной, из-под которой торчали только его кожаные сапоги, даже не пошевелился. Казак Митяй сплюнул на траву остатки табачинки, попавшей в рот, и вновь пнул скрюченную фигуру под овчиной.

— Да поднимайся ты уже. Ишь разлегся он, чай не на печи.

Спящий казак пробурчал про себя что-то ругательное, очевидно, недовольный, что его разбудили в такую

рань, и высунул голову. Продрав огромными кулачищами еще сонные глаза, он злобно буркнул:

— Ну чего тебе, дядька Митяй?

Митяй деловито прицепил саблю на ремень и пригладил чуб. Это было единственное из растительности, что росло на его голове с тех самых пор, как он стал вольным казаком. Характер он, как и большинство казаков, имел скверный. Вольная жизнь на Дону вконец испортила его. Сквернословие, пьянство, но при этом быть совершенно набожным было типичным портретом казака того лихого времени.

— Мне-то ничего, — важно ответил Митяй. — Да только чует моя больная спина вести дурные. С караулу у оврага давно из казаков никто не прибегал, — тревожно добавил Митяй. — Ни табаку, ни хлебу не пришел никто поклянчить.

— Так там Осипа хлопцы, — зевая, ответил разбуженный казак. — И славные хлопцы, я скажу тебе, дядька Митяй. Чего раньше времени панику поднимать.

— Ну, славные или не славные, о том опосля думать будем, — пробурчал дядька Митяй. — Ефимка слышал в той стороне лошадиное ржание.

Казак Митяй закончил свои приготовления и нахлобучил шапку из овчины. Это было его главное богатство сейчас акромья сабли, пищали да кожаного сидора, в котором он хранил ароматнейший по своему запаху табак.

С Серго мигом слетел сон:

— Поди, кучумцы пожаловали. Мать честная. — Казак отчаянно перекрестился. — Давненько их не видно было.

— Может, и кучумцы, а может, и местные вогулы шалят, — задумчиво ответил Митяй. — Разбуди Ермака да все ему перескажи. А я пока остальных разбужу.



Серго, нацепив саблю, бросился в сторону стругов с криком:

— Ермак Тимофеич, Ермак Тимофеич!

— Да здесь я! — ответил зыбкий голос казачьего атамана. — Чего разорался, как баба худая. Не видишь, казаки спят?

Через несколько минут на борту самого большого из стругов показалась фигура казака в тулупе, накинутом на плечи, и большой меховой шапке с красным околышем на голове.

— Батько, поди, кучумцы объявились, — запыхавшись от бега, прохрипел казак. — Давно наших казаков с того берега не было.

Ермак широко зевнул и поправил кафтан на плечах. Рукоять его сабли ударилась о металлическую пряжку пояса, издав тончайший звук.

— Да не суетись пока, — он окинул взглядом казачий лагерь на берегу. — Может, придут еще. Собираться пора. Рассвет скоро.

* * *

Ефимка тихо крался на свет костра меж вековых сосен и елового лапника, раскинувшего свои косматые ветки по всему лесу. Гуляющий меж стволов деревьев ветер приносил к нему обрывки слов и звуки заунывной песни.

Ветка под его ногой, обутой в старые кожаные чулки, внезапно хрустнула, и звуки словно затихли. Где-то вдалеке меж деревьев кричала сорока, выдавая присутствие людей в лесу. Ефимка поежился. Страшно одному в лесу, вон нарвется он на кучумцев. Но пока было спокойно, кроме приносимых ветром голосов. Но нужно было идти, несмотря на страх.

Ефимка обернулся, пытаясь разглядеть оставленные им на стволах деревьев зарубки, но тьма, поглотившая утренний лес, еще не желала отпускать его из своих цепких объятий. Пламя костра уже явственно просматривалось сквозь стволы деревьев. Часть слов была ему незнакома, другие же напоминали татарский язык. Он тихо подкрался к поляне и залег в одной из вывороченных ветром коряжин.

У костра сидели пятеро мужчин в татарских шапках и в разноцветных халатах, подпоясанных широкими кожаными поясами с кривой саблей. Мужчины тихо переговаривались между собой, то и дело указывая в сторону небольшой ямы, заросшей засохшим с осени папоротником, из которой торчали кожаные сапоги.

Один из сидевших у костра мужчин подбросил в прогорающий костер ветку и поправил кривую саблю на поясе:

— Эмельды говорит, урус пойдет на стругах по Туре до устья Tobол-реки, там на его пути будет улус уважаемого Карачи.

— Если успеет, — ответил сидящий напротив него. — Tobол-река и Тура скоро встанут, как и его струги. Ермаку придется зимовать в устье Тобола, где наши славные лучники смогут обстреливать его. До весны он никуда не денется. А если мы перережем ему обратную дорогу, то они с голоду сдохнут, собаки.

— Но Карачу надо предупредить, — тихо произнес один из татар, — иначе как с князем Епанчей будет.

Ефимка попытался подползти поближе, чтобы лучше расслышать разговор кучумцев, но часть мерзлой земли, остававшейся на корнях упавшей сосны, предательски осыпалась, едва не выдав его укрытие

Один из кучумцев привстал, озираясь вокруг.



— Успокойся, Эдербек, — засмеялся один из воинов. — Ты еще не начал сражаться, а уже боишься. До урусов далеко.

— Эдербек ничего не боится, — заявил воин, которому сейчас чуть ли не нанесли оскорбление.

— А ты, Эмельды, следи за языком, не то отрежу, — прохрипел татарин в меховой шапке с ушами из собольих шкур.

— Во имя Аллаха, — произнес самый старый из кучумцев, — прекратите собачиться, иначе вы станете похожими на тех, с кем собрались воевать.

— Пора собираться... — Старый татарин встал и размял онемевшие руки.

Теперь Ефимка мог хорошо разглядеть его. Его жидкая борода в свете луны напоминала фигурку черта на табакерке, какую он видел у своих бывших хозяев солепромышленников Строгановых. Ефимка перекрестился. Старый татарин подхватил свой мешок и, прихрамывая, пошагал в сторону оврага.

— Якши, — произнес другой кучумлянин и направился вслед за ним.

— Эдербек, догоняй, — негромко крикнул он.

Один из татар продолжал сидеть у костра, рисуя какие-то рисунки на хвое. Наконец он встал и последовал вслед за ними. На дне оврага раздалось ржание лошадей.

— На конях пришли, видать, стойбище недалеко... — Ефимка тихо стал пробираться сквозь заросли дикой малины в сторону реки, где стояли струги казаков.

Ермак сидел у костра подле одного из стругов.

— Что с дозором, были вести? — спросил он у подошедшего к стругу казака.

— Кучумцы пожаловали, атаман. Заезжие. Разведку вели. Мальчонка наш Ефимка слышал их разговор.

Казак выдвинул из-за спины мальчугана лет двенадцати в рваном тулупе и заячьей шапке.

— Перескажи атаману, что у татар слышал, — он подтолкнул Ефимку вперед.

— Знаешь татарский? — сурово спросил атаман.

Мальчишка утер на носу сопли:

— Знаю, атаман, и еще остяцкий немного.

— Откуда же?

— В плену были у остяков, потом их князь нас Кучуму отдал. Потом мы убежали.

— Эвон какой ногастый... — Ермак улыбнулся и потрепал Ефимку за волосы. — Ну, говори, о чем татары говорили?

Ефимка пересказал Ермаку все, что слышал от татар там, у костра.

— Да, плохо дело, братья. — Ермак встал со струга. — Правы кучумцы, день-два, и Тура-река льдом встанет. Нужно нам поспешать к Тоболу и навестить почтенного Карачу. Там и на зимовку встанем.

— Верно, Ермак Тимофеич. Засиделись здесь, — произнес один из казаков.

— Ванька, поднимай народ православный, — крикнул Ермак одному из казаков, развалившемуся на корме струга.

— А ну, казаки, подъем! — громким голосом закричал казак. — Хорош спать.

Он перепрыгнул через борта струга и начал помогать остальным казакам сворачивать пожитки.

— К Караче самому в гости пойдем. Разгуляй ему по морде.



То был один из самых жестких и умелых казаков Иван Кольцов, которого казаки промеж собой нарекли просто: Ванька Кольцо.

Казачий лагерь пришел в движение. Забулькали весла в холодной воде Туры. Взметнулись вверх казачьи стяги и святой Георгий. Над Турой вновь зареял двуглавый орел. Струги отошли от берега и подняли паруса. Холодный октябрьский ветер все дальше уносил их по реке туда, где сливаются Тура и Тобол.

Послы с Камы



Москва. Грановитая палата. Год 1581-й.

— Государь! — В палату зашел посыльный. Низко поклонившись, он тихо произнес: — Делегация от купцов Строгановых с Перми Великой.

— Час от часу не легче, — пробормотал человек в черной собольей шубе и кутье, расшитой жемчугом. — Андрейка! — Он пнул ногой слугу, сидевшего рядом. — Почему в палатах плохо топлено, черт бородатый?

Слуга бросился в ноги царю и проревел:

— Так с утра топили, государь.

— Вечер уже! — Царь легко стукнул слугу посохом по спине. — Иди, распорядись, чтобы еще раз затопили. Беда мне с вами. Все отлынить от трудов норовите. Вниз спущу, пусть высекут. Ну да Бог с вами.

Шут, сидевший у трона, видя, что царь отошел от гнева и теперь можно что-нибудь сострить, на четвереньках подполз к царю и взял его за руку.

— Ну, чего тебе, дуралей? — Царь милостиво посмотрел на шута, который сейчас преданно глядел ему

прямо в глаза, словно дворовая шавка. — Сказать чего хочешь, так говори.

Шут поцеловал царю руку.

— Ну, полно тебе подлизываться-то, говори: чего хотел?

Шут встал на четвереньки, снял свой колпак и смял его в руках.

— Государь, купцы Строгановы пришли. С челобитною к тебе, государь.

Царь отмахнулся рукой:

— Да знаю я, зачем они пришли. Опять земельки просить, все им мало. Не за пользу престолу радеют. Все мощну свою купцы набить не могут.

— А ты прими, Вань, Строгановых, — не унимался шут, — чай, вести добрые из земли Камской принесли.

— Знаю я, какие вести они принесли... — Царь сел на трон. — Они думают, у батюшки-царя войска много, выручит государь. А у меня вон ливонцы под носом опять войну затеяли. — Царь вытянул руку, облаченную в кафтан, шитый жемчугом, в сторону запада и погрозил пальцем: — Нехристи римские. — Он сжал кулаки и грозно посмотрел на распластавшегося у его ног шута. — А они там со своими татарами да местными народишками справиться не могут, а у меня, почти-тай, все царство православное о защите молит. Выслушать — выслушаю, но стрельцов не дам. Пушай своими силами управляются. И точка! — Царь стукнул посохом по полу. — Зови их.

Царь помнил распри торговых людей между собой. Пелымский князь со своими людьми в осень 1581 года прямо на Семенов день осадил Чердынь, Канкор и другие чудовские городишки, а Никитка Строганов отсиделился в своем городке Орел, пока нехристи грабили



и чинили осаду братьям его Максиму и Семену Строгановым. Меж собой согласия купцы найти не могут, все на царя надеются.

— Батанов, — крикнул Иван Грозный дьяка посольского приказа, — принеси-ка нам жалобную грамоту Семена Строганова на брата своего. Посмотрим, что они на сие скажут. И пусть, наконец, заходят, чего у дверей мяться... — Царь указал посохом на двери.

Двери дворца распахнулись, и в палаты вошли три мужика в соболиных кафтанах, перевязанных шелковыми поясами. Сняв в руках шапки, они отвесили три низких поклона и встали, как истуканы, опустив глаза в пол.

— Проходите, коли пожаловали, купцы

Строгановы сделали шаг вперед и застыли.

— Сказывайте, с чем пожаловали... — И царь подал знак рукой.

Никита Строганов прокашлялся. Увидел так близко царя, и к его горлу подкатил ком, лоб покрылся испариной. Не в силах что-либо выговорить, он толкнул брата рукой:

— Говори, Максим, царь ждет!

Максим встрепенулся. Поначалу его глаза судорожно бегали по царским палатам, словно ища укрытия от неминуемого гнева, но затем он успокоился и, в очередной раз поклонившись царю, произнес:

— Народ православный, что по берегам Камы живет, да и мы, купцы, государь, просим у тебя защиты, покровительства и содействия в делах наших торговых.

Глаза царя налились злостью.

— Стрельцов не дам! — крикнул он. — Почитай и так деревеньки обезлюдели после Ливонской.

— Знаем, государь. — Строгановы вновь отвесили поклон. — Просим тебя не за вотчины наши, а за землю

новую, за сибирскую, что казну твою пополнит изрядно и веру нашу за Урал-камень принесет.

— Казну наполнит, говоришь? — Царь переменялся в лице.

Хитер был Иоанн Васильевич. Еще тогда, четверть века назад, в 1555 году послы сибирского хана Едигера привезли ему грамоту и прошение принять Сибирь под свою сильную руку вместе со всеми улусами и народом. Но без военной операции это было вряд ли осуществимо. Москва только взяла под свою руку Казань и Астрахань.

«Но стоит ли говорить об этом сейчас Строгановым?»

— А велика ли та земля сибирская, а, купцы? Сколько с нее дохода можно брать? — Царя явно заинтересовало предложение Строгановых.

— Сколь возьмешь, государь, все твое, — продолжал Максим. — Только у самих нас силы-то не хватит землю такую у Кучума-хана отобрать да людишек православных за Урал-камень расселить.

— Об том после! — Царь поднял руку, показывая купцам, что ему нужно подумать.

Иван Васильевич подошел к зеркалу. Седые волосы выбивались из-под кутьи нечесаными прядями.

— Старею, старею, купцы, некому государство доверить. — Царь обернулся к иконам и перекрестился. — А было время, хорошо гулял Иоанн Васильевич по землям Московским.

— Ну, — Максим толкнул Семена в бок, — говори, видишь, царь сомневается.

— Государь, дозволю молвить? — Младший Строганов сделал шаг вперед.

— Ну, — царь поднял глаза на него, — говори.